

УДК 316.334.52 (571.6)

© *Е. В. Волкова, 2008*

АДЕКВАТНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Волкова Е. В. – ст. преп. кафедры «Иностранные языки» (ТОГУ)

Население Дальневосточного региона испытывает чувство острой депривации, обострённое реальным снижением уровня жизни. Серьезными факторами, дестабилизирующими социальную структуру Дальнего Востока, являются сокращение объема региональных льгот, сложные климатические условия, увеличивающееся число китайских переселенцев. Сложившиеся противоречия способна решить целенаправленная социальная политика, направленная на развитие региона.

The population of the Russian Far East experiences hard deprivation enhanced with actual decline in living standards. Reducing of regional privileges, unfavourable climatic conditions, the increasing number of Chinese immigrants are the major factors, weakening the social structure of the Far East. The social policy aimed at the long-term development of the region can improve the situation.

Ключевые слова: освоение Дальнего Востока, заселение региона, переселенческие потоки, региональное самосознание, социальная политика, стратегические перспективы, невыраженная идентификация.

Российский Дальний Восток был приведен в географическую известность на полтора века позже открытия Америки. Но и через два века регион не имел внутренних источников для хозяйственного и социокультурного роста. К середине XIX в. на его территории обитали не более 50 тысяч человек, ведущих полукочевой образ жизни. Причиной столь длительной «задержки» развития можно назвать крайне неблагоприятные природно-климатические условия.

Жизненно важная потребность России выйти к Тихому океану и установить контакты с сопредельными странами подвигли ее на значительные усилия и затраты по овладению, заселению и освоению региона. Именно эти территории придавали России органическую целостность, а ее границам - завершенность и безопасность.

Колонизация и миграция населения всегда выступали основным фактором исторического развития России. Но принципиальным отличием дальневосточной колонизации от метрополии является «колонизация правительственная» (Н. М. Пржевальский). Это во многом определяло особенности менталитета дальневосточников. Если Сибирь заселяли преимущественно середняки или крепкие крестьяне, то на Дальний Восток «шли бедняки», переселенцы получали «казенную приманку» (П. А. Столыпин), без которой «сюда и дойти бы не могли» (В. К. Арсеньев). Кроме того, в регион ежегодно десятками тысяч направлялись осужденные из других районов страны, а в обратном направлении - практически никто. Такая высокая интенсивность миграции нарушала у жителей привычный жизненный уклад, разрушала родственные связи. Социальная среда не способствовала формированию эффективных собственников и среднего класса.

«Правительственная колонизация» сопровождалась высоким уровнем огосударствления во всех областях жизнедеятельности населения. Образцом стратегического подхода в развитии Дальнего Востока стало строительство Амурской железной дороги. Проект на первый взгляд выглядел несвоевременным: проиграна война с Японией, в стране огромные материальные и моральные потери, нет политической стабильности, казна пуста. В этих условиях принимается решение о строительстве железной дороги, «пролегающей, по существу, по пустыне и ведущей, казалось бы, в пустыню», требующей миллионных затрат на создание, а затем миллионных дотаций на содержание.

В социалистический период в сходных условиях осуществлялся и проект Комсомольского-на-Амуре территориально-производственного комплекса. Строительство велось малограмотными и неквалифицированными в своей массе работниками. Но высокие технологии буквально «переплавили» этот материал, и вскоре Комсомольск-на-Амуре стал донором высококвалифицированных рабочих кадров для всего Дальнего Востока.

В обоих случаях власть использовала определенные ресурсы – материальные и политические – для освоения, заселения и огосударствления огромной территории значительными людскими потоками. В обоих случаях властное действие привело к ожидаемому результату.

Освоение Россией Дальнего Востока поставило его в поле интересов сопредельных государств. «Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может оказаться русским только по названию» (П. А. Столыпин). Таким образом, Амурская железная дорога была не только глобальным транспортным проектом, но и инструментом освоения и заселения Дальнего Востока.

Деятельность России на Дальнем Востоке увеличивает его ценность и, следовательно, привлекательность для сопредельных госу-

дарств. Но ключевым фактором закрепления России на Дальнем Востоке всегда являлось его заселение.

Поскольку территория региона позиционировалась как осваиваемая Россией, но не вполне Россией, вновь прибывавшие из европейской части страны несли новую ментальность, которой предстояло закрепиться на территории. Переселенцы обычно реализовывали приоритетное направление хозяйственного освоения региона, получая максимальную государственную поддержку и, таким образом, оказываясь в привилегированном положении.

Кроме того, отсутствие значительного количества «коренных дальневосточников» (6-7 % в 1985 г.), не позволяло им транслировать новоселам нормы местной социальной жизни. До конца 80-х годов переселенческие потоки чаще всего совпадали со сменой руководства, приезжавшего из центра со своими сотрудниками и своей политикой. Выполнив задачу, команда возвращалась в столицу. Вследствие постоянно действующих встречных потоков населения на восток и на запад, преобладала установка на временность проживания. «Осадок» всегда был крайне незначительным и чаще всего представлял собой представителей нижних социальных слоев с расплывчатой системой ценностей, низким уровнем амбициозности и соответственно невыраженной идентификацией. «Периферийность» как понятие накладывает отпечаток некоторой неполноценности.

Новые территории осознавались жителями, понимающими себя как представители России в регионе, как осваиваемые Россией и для России. Система привлечения населения государством была ориентирована им на поддержание подобной самоидентификации.

Кроме того, государство ввело дополнительный дальневосточный коэффициент оплаты труда, что также повышало привлекательность региона.

Однако установка на временность пребывания, отсутствие привычной культурной и социальной инфраструктуры, желание и возможность бронирования жилплощади в европейской части России – это комплекс причин, не способствующих формированию регионального самосознания.

В ходе опросов 2000-2003 гг. было отмечено, что население региона, лишенное привычного смысла проживания в регионе, испытывает чувство острой депривации, обостренное реальным снижением уровня жизни.

Сложившиеся противоречия способна решить целенаправленная социальная политика, направленная на развитие региона. Специфическое состояние, в котором сегодня оказались дальневосточники, предопределено отсутствием долгосрочной программы становления региона. Отсутствие централизованной системы привлечения переселен-

ческих потоков привело к стабильному сокращению численности населения на Дальнем Востоке. Если на 1 января 1991 г. была зафиксирована цифра 8 056,6 тыс. человек, то на 1 января 2003 г. она составила 6700,5 тыс. человек. Уже в 1992 г. количество переселенцев из других регионов России перестало быть статистически значимым. Тому существует несколько причин: исчезли «комсомольские путевки», вузы прекратили распределение молодых специалистов, ослабли материальные стимулы, главнейшими из которых были «дальневосточные надбавки» (60 % к заработной плате), относительная легкость получения жилья и возможность «бронирования» квартиры на Западе.

Кроме того, с точки зрения «потенциальной опасности» можно рассматривать стремительно увеличивающееся количество китайских переселенцев. Значительный поток этнически однородных переселенцев с устойчивой этнокультурной идентификацией разрушает проточность и, что опаснее, русскость Дальнего Востока, поскольку этот регион, прежде всего, позиционируется как русская территория. Несмотря на разнородность переселенцев, они представляли различные варианты именно русской культуры, и освоение региона носило в какой-то мере сакральный смысл. Наличие и сохранение этого сверхсмысла позволяло руководящим структурам легко нивелировать все другие смыслы. Утрата сакрального смысла породила «образ врага».

Наиболее эффективной идентификацией дальневосточника становится характеристика антикитаец, т.е. основой идентификации становится единение «против». Формируется привлекательный исторический образ региона-крепости. Российский Дальний Восток становится, согласно этому образу, оплотом европейской культуры в Азии, через него проходит «передовая» столкновения цивилизаций. Подобное положение вещей существует на бытовом уровне, в политических заявлениях, в предвыборных дебатах.

Образ «потенциального врага» оправдывает существование дальневосточников, а отсутствие агрессии демонстрирует отсутствие реальных, а не символических структур.

Если центр не осознает «желтой» опасности, то ее видят и понимают в регионе, и поэтому «мы» нужны здесь. Это подтверждается парадоксальным отсутствием зависимости между уменьшением количества респондентов, отмечающих ухудшение материального положения и повышением уровня недовольства и беспокойства.

Более 73 % респондентов (2005 г.) констатировали рост тревожности и неуверенности в своем будущем. Прежде всего, это связано с отсутствием официального признания важности политического смысла существования российского Дальнего Востока, поскольку именно государственное признание делает возможным восстановление важнейшего элемента самоидентификации дальневосточников-россиян - по-

литического. Осознание региональной идентичности населения Дальнего Востока нуждается в четком прояснении оснований повседневной жизни, объективации субъективных интересов и смыслов, участвующих в конструировании регионального социума.

Использование неформального ресурса осуществления социальной политики на уровне субъекта Федерации дает возможность достроить остальные элементы идентификации.

Если доминантой социальной политики на Дальнем Востоке выступает наличие у России концепции роли региона, а основным смыслом крайне гетерогенного населения идентифицировать себя с территорией является политический, то в этом случае доминантой должна выступать внешняя политика.

Не только внутренняя политика России по отношению к регионам является чрезвычайной, как было отмечено выше, но и внешняя политика крайне ситуативна и зависит в большей степени от расклада сил в конкретной политической ситуации, а не от реальных национальных интересов. Подобное отсутствие четкого курса со стороны Москвы позволяет концептуализировать собственный курс с учетом геостратегических особенностей Дальневосточного региона.

Несмотря на то, что Россия отдает приоритет своей внешней политики «объединенной Европе», все более явственным становится желание членов ЕС объединяться с Россией. В этих условиях вхождение России в пространство «азиатского поля» позволит ей укрепить собственные позиции, а кроме того, даст возможность создания в АТР нового «полюса силы». Увеличение пропускной способности БАМа и Транссибирской магистрали, строительство нефтепровода в восточном направлении выдвинет Россию на роль активного игрока в Азиатском регионе. Это позволит говорить о «политических рамках» региональной социальной политики, поскольку их отсутствие ведет к возникновению противоречий с федеральными законами и снижению эффективности принимаемых программ.

Использование в Дальневосточном регионе важнейших стратегических перспектив: создание транспортной инфраструктуры, расширение доступа к полезным ископаемым в регионе и создание высокотехнологического производства (предприятия ВПК) – позволит воссоздать в крае ту систему доминант, которая обозначалась как «комплекс дальневосточника»: идеология форпоста России, конструирование и социальная поддержка «главного направления развития» и, как результат, входящие демографические потоки.

Главное направление развития региона может быть предопределено политическим смыслом, сформулированным на уровне государственной политики. Потребность России в защите ее территориальной целостности на дальневосточных рубежах, защита национальных ин-

тересов в инокультурном регионе способны создать мотивацию адекватной самоидентификации населения, как защитников крепости, «форпоста» на Дальнем Востоке России. Используя материальные ресурсы и политическую волю, федеральная власть в состоянии реализовать подобную программу в целях укрепления и развития государства.

Библиографические ссылки

1. *Бляхер Л. Е.* Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса. М., 2000.
2. *Бляхер Л. Е.* Этническая община в социальном пространстве Дальнего Востока. Хабаровск, 2001.
3. *Гидденс Э.* Стратификация и социальная культура // Социологические исследования. 1994. № 9.
4. *Ишаев В. И.* Стратегия развития России на период до 2010 года. Хабаровск, 2001.
5. *Смолин О. Н.* Политический процесс в современной России. М., 2006.